

13 ФЕВ 1983

ГЛОБУС

РЕПОРТАЖИ
ИНТЕРВЬЮ
ЗАМЕТКИ

— Чем Вы объясните популярность комиссара Мегрэ?

— Его популярность объясняется, на мой взгляд, тем, что он любит людей и люди это чувствуют. Мегрэ пытается проникнуть в существо человека, понять, чем мотивирован тот или иной поступок. И это его главное оружие. Кстати, вы заметили, что он никогда не стреляет из пистолета? Мой комиссар — герой более чем 80 романов — никогда никого не убивает.

Его жизненное кредо, я бы сказал, девиз: «Понять и не судить».

Когда я начинал первый роман о Мегрэ, я знал, многих представителей уголовного розыска, все уголки парижского судебного мира, всех комиссаров полиции. В то время были настоящие прототипы Мегрэ. Конечно, у него есть недостатки, как у каждого нормального человека. Но если бы Мегрэ не был своего рода надеждой для других, если бы люди не считали его своим другом, наверное, о нем не читали бы во всем мире, даже те, кто практически не имеет своей литературы. Я не вижу другой причины.

Так что я доволен. Писатель пишет для того, чтобы его читали. Некоторые, правда, пишут, чтобы заработать... Я не считаю их художниками. Это ремесленники.

— Но ведь Вы сами признаете, что так начинали.

— Да, до того, как я создал первого Мегрэ, я написал кучу популярных романов, весьма ординарных. Я их писал, чтобы заработать на жизнь. Я ведь был очень бедным. Но я писал под псевдонимами, у меня их было 17.

А вообще-то я уважаю ремесленников. Мой дед делал шляпы, другой был крестьянином. Мои предки жили в Лимбурге, они работали по-прежнему. Я таким образом произошел от крестьян и батраков, а также от ремесленников. Я — человек земли и ремесла. Квартал, где я родился в Льеже (Бельгия), назывался кварталом «маленьких людей».

— Известно, что Ваша мать сдавала комнаты бедным студентам, революционерам-эмигрантам из России.

— Я помню студентку из Одессы, которая находилась под наблюдением бельгийской полиции. Особенно полицию интересовало, принимает ли она у себя молодых людей, поскольку это был предлог выслать ее из страны, — ведь по закону девушкам запрещалось принимать мужчин в пансионе. Я знаю, что она однажды встречалась с Лениным в маленьком магазинчике на улице Каскет, где на витрине были выставлены русские папиросы. Магазинчик содержал русский большевик.

Так получилось, что я познакомился с произведениями русских писателей до того, как начал читать французских авторов...

Жорж СИМЕНОН:

Я ОПТИМИСТ... Я ВЕРЮ В ЧЕЛОВЕКА

В швейцарском городе Лозанне, в скромном доме, которым заканчивается неприметная тупиковая улочка, вот уже второй десяток лет живет и работает человек, имя которого прекрасно знают миллионы людей.

По утрам он выходит погулять в маленький садик, примыкающий к дому. Ему здесь никто не мешает побыть наедине со своими мыслями, послушать голоса птиц и не спеша выкурить любимую трубку. Почти такая же трубка была у знаменитого комиссара Мегрэ — героя более 80 романов, написанных человеком, о котором мы ведем наш рассказ, — французским писателем Жоржем Сименоном. Он и сейчас самый популярный романист Запада, произведения которого переведены на 120 языков и многие годы издаются миллионными тиражами. Прогрессивная западная печать справедливо называет Жоржа Сименона «адвокатом человеческих судеб». Его романы и повести проникнуты уважением, сочувствием и симпатией к простым людям.

Сегодня Жоржу Сименону исполняется 80 лет. Десять лет тому назад накануне своего 70-летия он объявил, что навсегда расстанется со своим главным героем Мегрэ. И действительно, роман «Мегрэ и месье Шарль», опубликованный годом ранее, стал у писателя последним. Однако все последующие годы творческая деятельность Жоржа Сименона не прерывалась ни на один день. За это время им написано еще более 20 книг, так называемых «дикте», воспоминаний, объединенных общим названием «Я диктую».

В последнее время Жорж Сименон почти не принимает у себя западных газетчиков, избегает интервью. Но для советского журналиста сделал исключение. Конечно же, мой первый вопрос к создателю образа комиссара Мегрэ был связан именно с этим героем.

— Г-н Сименон, кто Ваши любимые русские писатели?

— Прежде всего Гоголь. Это великий гений. Впервые я прочитал его повести в 12-летнем возрасте. Затем Достоевский. Само собой разумеется, Толстой. У него я люблю его маленькие новеллы, рассказы, повести. «Смерть Ивана Ильича» я нахожу настоящим шедевром. Но нельзя не сказать и о Чехове, которого я люблю больше всего. Я считаю, что он ближе всего ко мне. Мы, я бы сказал, одинаково смотрим на человека, пытаемся заглянуть внутрь него — благожелательно и с любовью. Это чувствуется во всех работах Чехова. И этот подход универсален для всех времен и народов. Мне привил вкус к описанию простых людей Горький, ибо он написал «Мои университеты». Это чрезвычайно увлекательная книга. Об этом я, кстати, писал в «Письмах к моей матери», — книги Горького в ее библиотеке весьма повлияли на меня.

— Вы неоднократно бывали в Советском Союзе, встречались с людьми. Какие впечатления остались у Вас от этих поездок, от этих встреч?

— К сожалению, я посетил только юг Советского Союза, в основном города Черноморского побережья. Меня поразило в вашей стране то, что я сразу же вошел в человеческий контакт с людьми. И хотя я не говорил по-русски, а мои собеседники — по-английски и по-французски, но, используя какую-то странную смесь из разных языков, мы как-то понимали друг друга.

Вспоминается такой эпизод. Когда мы были на знаменитой лестнице в Одессе, рядом с нами оказалась женщина с маленьким мальчиком, державшим в руках

цветок. Женщина сказала ему что-то, и он подбежал к моей внучке, которой было тогда всего два года, и очень галантно протянул нашей девочке розу. А потом, смущенный, убежал. Этот маленький жест доброжелательности и симпатии очень символичен. Такую же доброту и искренность я ощущаю во всех письмах, которые приходят ко мне из Советского Союза, а их я получаю очень много. Я отдаю их на перевод и на все без исключения отвечаю.

— Некоторые западные газеты обвиняют Сименона в симпатиях к Советскому Союзу. Вы, мол, отказываетесь ставить на карту антисоветизма...

— Никогда я не ставил на эту карту! Я никогда не стоял ни в какой партии. Но поскольку мои симпатии на стороне простого человека, они неизбежно распространяются на Советский Союз.

— В Ваших романах очень много свидетельств, что Вы — против войны.

— Я против войны, против всякого угнетения человека человеком. В общем-то я не скрываю, что настроен антикапиталистически. И я говорил об этом недавно французским журналистам, и говорю сегодня русскому журналисту.

Меня бесит лицемерие. Я надеюсь, что наступит время, когда все люди обретут

GEORGES SIMENON

*aux lecteurs de "Gudak"
avec une grande amitié*

Georges Simenon

тордость, уважение к себе. Можно обворовать человека, но настоящее преступление — отнять у него внутреннюю уверенность в себе. Это самое большое преступление, которое можно совершить над достоинством человека и даже ребенка. Но я оптимист. Хорошее в человеке всегда выигрывает. Я настроен оптимистически в отношении «маленького человека». Он в конце концов обретет свободу и главное — уважение к себе. Мы все нуждаемся в уважении друг к другу.

— Г-н Сименон, я много раз пытался понять, как вы закручиваете интригу в Ваших романах. Иногда до двух последних страниц неясно, кто же убийца.

— Правильно. Я и сам не знал и не знаю. Знал бы, не получилось бы романа. Даже в романах, которые не связаны с полицейской хроникой, я не знаю конца. Я беру Человека, его окружение, я знаю, что у него есть жена, дети, что он занимается определенной работой, что он учился в той или иной школе, у того или иного учителя, выписываю улицу, его соседей. Затем я задаю себе вопрос: что может случиться с этим человеком, что его толкает на преступление, доводит до крайности? Я хочу сказать, что никто из нас сознательно не пойдет на крайность, если его не заставят обстоятельства. Если я при-

даю большое внимание среде, в которой живут мои персонажи, то это потому — и я в это твердо верю, — что мы все зависим от своего окружения.

Я писал роман, а потом его «чистил». Упрощать, упрощать, всегда упрощать, только самое необходимое. Все бесполезные глаголы, прилагательные, все ненужное вычеркивалось, и, главным образом, абстрактные слова. Я люблю конкретные слова, потому что абстрактные слова имеют различный для каждого смысл, тогда как, например стол — всегда стол, трубка — трубка, дерево — дерево. Это конкретно.

— И вот уже десять лет, как вы не пишете...

— Я перестал писать романы, но я остаюсь в литературе.

Когда я писал романы, я вставал в 6 часов утра и садился за рабочий стол в 6.30, моя норма — 20 машинописных страниц, одна глава. И так все происходило до 70 лет. Это очень трудно, выматывает — перевоплощаться в другого человека. Утомительно жить в течение недель в роли моих героев. Я подумал: а, может быть, настал момент познать самого себя? Таким образом я начал диктовать свои воспоминания.

В моих мемуарах я пишу только правду, все, что я думаю, что делаю, без всяких ограничений, без предварительных заданных условий. Я считаю, что писатель должен говорить правду, иначе он — не писатель.

— Создано очень много фильмов по вашим романам. Особенно много телевизионных фильмов. В роли комиссара Мегрэ снимались многие актеры. Какой из них, по вашему мнению, лучший?

— Видимо, первый: Ж. Ренуар в 1932 году. Это был настоящий комиссар Мегрэ. Актер понял, что мой герой — начальник уголовного розыска, чиновник высшего ранга, и он ведет себя как чиновник. И мотивы этого поведения надо понять. У меня есть фото и русского Мегрэ (артист Б. Тенин — Ред.). Кстати, очень симпатичного.

— Что Жорж Сименон хотел бы передать советским людям?

— Я желаю всем советским людям счастья. Пусть они всегда остаются такими же искренними и простыми в обращении. Желаю им еще глубже познать и раскрыть свои возможности и помочь это сделать другим народам. Желаю советским людям сохранить чистоту, энергию и силу своих устремлений к красоте и счастью.

На прощанье Жорж Сименон написал на своей визитной карточке: «Читателям «Гудка» с сердечными поздравлениями, Жорж Сименон».

Всеволод ШИШКОВСКИЙ,
корр. Гостелерадио СССР —
специально для «Гудка».

ЖЕНЕВА.